

**АНТИЧНЫЕ МОТИВЫ
В «ЖИТИИ СВЯТОЙ МАРИИ МАГДАЛИНЫ»
ЯКОВА ВОРАГИНСКОГО**

Ключевые слова: античные мотивы; греческий роман; Яков Вороагинский; «Золотая легенда»; Мария Магдалина; житие.

Статья посвящена анализу античных мотивов в «Житии Марии Магдалины», которое входит в агиографический сборник «Золотая легенда», написанный Яковом Вороагинским в середине XIII в. Автор выявляет мотивы и элементы, пришедшие в «Житие» из греческого любовного романа I–III вв.: *мотив разлуки супружеской четы, мотив гонения, мотив путешествия* и связанный с ним *мотив морской бури, мотив мнимой смерти, мотив вешего сна, сюжет о покинутых и вновь найденных детях* и др. В результате сравнительного анализа мотивов и элементов повествования автор приходит к выводу о том, что основой сюжетной схемы и композиции одной из частей «Жития» послужили каноны, по которым строился греческий любовный роман, и предпринимает попытку определить источник их появления у агиографа XIII в. Анализируя *сочетание мотивов путешествия по морю и мотива мнимой смерти героини в результате произошедших на корабле родов*, автор делает предположение о возможности заимствования этого эпизода у анонимного автора «Повести об Аполлонии Тирском».

I. V. NARUSEVICH

St. Petersburg State University

**THE ANCIENT MOTIFS
IN “THE HAGIOGRAPHY OF MARY MAGDALENE”
OF JACOBUS DE VORAGINE**

Keywords: ancient motifs; Greek novel; Jacobus de Voragine; “The Golden Legend”; “Legenda aurea”; Mary Magdalene; hagiography.

This article analyzes the ancient motifs in “The Hagiography of Mary Magdalene”, which is a part of a hagiographic collection “The Golden Legend”, written by Jacobus de Voragine in the middle of XIII century. The au-

thor of the article exposes the motifs and narrative elements that came into “The Hagiography” from the Greek novel of I–III century: *a motif of separation of a married couple, a motif of persecution, a motif of travel* and an associated with the latter *motif of a sea storm, a motif of a supposed death, a motif of a providential dream, a narrative of abandoned and again found children*, etc. The result of the comparative analysis of the motifs and narrative elements is the author’s conclusion that the plot scheme and the composition of one of the parts of “The Hagiography” are based on the canons, according to which the Greek love-story novel used to be written; the author also tries to identify the source they came from into the hagiographer’s work. Analyzing the combination of *the motif of a sea travel and the motif of a supposed death of a character that was giving birth to a child on the ship*, the author infers that this episode had possibly been borrowed from the anonymous author of the “The Tale of Apollonius of Tyre”.

«Житие святой Марии Магдалины» входит в состав «Золотой легенды» (*Legenda aurea*), написанной Яковом Ворагинским не ранее середины 50-х гг. XIII в. В юности он был монахом-доминиканцем, проповедовал по всей Италии, был назначен приором доминиканских монастырей в Ломбардии, а в последние годы жизни стал архиепископом Генуэзской республики.

Яков был переводчиком, писателем и агиографом. Его перу принадлежат толкования на творения блаженного Августина, сборник проповедей, «Генуэзская хроника», а также несохранившийся перевод Библии на итальянский язык. Самым значительным произведением Якова является написанная по-латински «*Legenda aurea*» (первоначальное название «*Legenda sanctorum*») — свод житий католических святых, расположенных по дням церковного календаря. Книга была рассчитана на широкие массы читателей. Необычайно популярная на протяжении всей эпохи Возрождения в странах Западной Европы, она может быть сопоставлена только с Библией и рыцарскими романами. Уже при жизни Якова появились переводы «Золотой легенды» на другие языки. Из почти 700 рукописей, дошедших до нас, 100 датируются XIII в. По выражению Шерри Римз, для читателя Средних веков эта книга стала едва ли не «культурным институтом» и «*a medieval bestseller*» [Reames, 1985, p. 3].

Жития Якова Ворагинского обычно предваряются этимологическим анализом имени святого. Поскольку Яков, как и большин-

ство авторов эпохи, не знал иврита и древнегреческого языка, его этимологии зачастую носят фантастический характер. Например, имя Мария этимологизируется как *ama gum mare* («горькое море»)¹.

Довольно обширное «Житие святой Марии Магдалины» носит компилятивный характер и структурно распадается на несколько частей.

Яков начинает «Житие» в полном соответствии с канонами жанра: «Мария Магдалина, прозванная так по городу Магдала, была очень знатного рода, который восходит к царскому. Отца ее звали Сиром, а мать Евхарией». Подчеркивая размеры богатства, которым владела семья Магдалины, Яков допускает явный анахронизм: «Со своим братом Лазарем и сестрой Марфой она владела городом Магдалой, <...> Вифанией, <...> и большей частью Иерусалима». *Мотив благородного происхождения святого, как и мотив богатства, довольно рано входит в житийный канон и ко времени создания «Золотой легенды» становится шаблоном. «Это житийное данное не должно признаваться безусловно верным, ибо это значило бы, что святые могли являться только в богатой среде. В действительности же здесь заметна некоторая подтасовка фактов, чтобы исполнением Христовой заповеди можно было возвысить святого» [Лопарев, 1914, с. 23–24].*

В этой части «Жития» Яков определяет свою позицию в теологических спорах, длившихся на протяжении нескольких веков относительно Марии Магдалины. Уже в первые века христианства Марию Магдалину, упоминания о которой есть во всех четырех Евангелиях (Мф. 27:55–56; 27:61; 28:1–8; Мк. 15:40–41; 15:47; 16:9; Лк. 8:2; 24:4; Ио. 19:25; 20:1–2; 20:15–16), отождествляли с Марией — сестрой Марфы и Лазаря, с женщиной, которая умастила Христа в доме Симона Прокаженного в Вифании, и с грешницей, умастившей ноги Иисуса в доме Симона Фарисея в Галилее. Ко времени Якова представление о Марии Магдалине как о грешнице прочно вошло в народное сознание: «...насколько она выделялась богатством и красотой, настолько предала свое тело наслаждению, а потому утратила собственное имя и стала называться грешни-

¹ Перевод текста осуществлен автором настоящей статьи по изданию Т. Грессе: [Jacobi a Voragine, 1890, S. 407–417].

цей» [Jacobi a Voragine, 1890, S. 408]. (Отметим *мотив красоты святой*.)

Вторая часть «Жития» представляет собой сюжетное повествование, которое автор ведет от года, «когда иудеи убили Стефана и изгнали остальных учеников из пределов Иудеи». Апостол Петр «препоручил» Марию Магдалину блаженному Максимино. Вместе с Марфой, Лазарем и блаженным Кедонием язычники сажают Магдалину на корабль и без кормчего отправляют христиан в море. По божественной воле все благополучно прибывают в Массилию.

Проповедуя Христа, Мария Магдалина отговаривает правителя страны и его супругу от жертвоприношения «идолам», которое бездетная чета хотела совершить «ради обретения потомства». Прося помочь терпящим нужду христианам, Магдалина два раза является во сне жене правителя. В третий раз она является во сне им обоим со словами: «Неужели ты спишь, тиран, отпрыск отца твоего сатаны, со змеей супругой своей, которая не захотела передать тебе мои слова?! Неужели ты, враг креста Христова, пребываешь в покое, наполнив ненасытное чрево свое разными яствами, и допускаешь, что святые Божьи гибнут от голода и жажды?!» [Jacobi a Voragine, 1890, S. 410]. Устрашенные угрозами навлечь на них гнев всемогущего бога, супруги оказали помощь христианам. Чета просит Марию Магдалину вымолить им сына у ее бога. По молитве Магдалины матрона забеременела, но правитель решил отправиться в Рим к апостолу Петру, «чтобы проверить, есть ли истина в том, что Магдалина проповедовала о Христе». Беременная матрона отправляется вместе с мужем. Их корабль настигает буря. В невыносимых условиях матрона разрешается от бремени сыном и умирает. Моряки хотят бросить ее тело в море, но Перегрину (так с этого момента Яков будет называть своего героя) с трудом, «с помощью денег и молитв» удается уговорить их причалить к пустынному острову. Земля там оказалась столь твердой, что Перегрин не смог выкопать для жены могилу и оставил ее вместе с новорожденным сыном в «укромном месте». Со слезами он обращается к Марии Магдалине, вверяет своего сына ей и Богу, сам же возвращается на корабль и прибывает в Рим. Совершив с апостолом Петром путешествие по святым местам и наставленный им в вере, через два года Перегрин возвращается домой.

«По воле Господа» корабль подходит к острову, где им были оставлены жена и ребенок. Там он находит «хорошенького малыша», который сосет грудь матери, и пребывающую в летаргическом сне супругу. После обращения к Магдалине и молитвы Перегрин матрона «обрела дыхание, как будто пробудившись ото сна». Она рассказывает мужу, как в течение двух лет незримо путешествовала вместе с ним и Петром по святым местам, а святая была ее «предводительницей и спутницей». Счастливые супруги возвращаются в Массилию, где встречают Марию Магдалину и принимают крещение от блаженного Максимиана. Разрушив в Массилии все языческие храмы, они строят Христовы церкви и выбирают Лазаря епископом, впоследствии в городе Аквенсе обращают народ в веру Христову.

При составлении «Жития» именно эту часть («История Перегрин») Яков наиболее сильно подверг авторской обработке, представив читателю не историю Марии Магдалины, а историю обретения веры Перегрином.

Герой долго идет к истинной вере. Сначала смелая проповедница Магдалина смогла удержать Перегрин от языческих жертвоприношений, но ее яростная проповедь в «тишине ночи» только испугала правителя и его жену. Супруги готовы поверить словам Марии, если она вымолит им сына у Бога, которого проповедует. Но и после того, как по молитвам Марии Магдалины жена правителя забеременела, он нуждается в доказательствах, для получения чего отправляется в Рим. Яков драматизирует повествование: беременная матрона вопреки уговорам мужа остаться дома и не подвергать себя опасности «по своему женскому нраву стала настаивать на противном» и отправилась вместе с ним в опасное морское путешествие. Роды на корабле во время бури и последовавший затем летаргический сон матроны становятся кульминацией в «Истории Перегрин». Меняется язык автора: появляются диминутивы (*puerulus, parvulus, mammillae*), которые Яков не использует в других частях «Жития». Полный отчаяния, Перегрин оставляет жену и ребенка на безлюдном скалистом острове. С упреком обращается он к Марии Магдалине: «Зачем я, несчастный, по твоему увещанию выбрал этот путь?» Он еще не верит в Христа, он лишь хочет уверовать: «...все, что у меня есть, я вверил тебе и богу твоему вве-

ряю... пусть по твоей молитве он сжалится, чтобы дитя не погибло» [Jacobi a Voragine, 1890, S. 411]. Развязка наступает с возвращением к жизни жены Перегринна, после того как он находит ее с сыном на острове и обращается с молитвой к Христу: «Я знаю истинно, знаю и верю без сомнения, что ты, который дал сына и питал его на этом острове, сможешь, если захочешь, вернуть жизнь его матери!» [Jacobi a Voragine, 1890, S. 412].

Для «Истории Перегринна» характерны оценочные авторские суждения. Говоря о смелости и красоте речей Марии Магдалины, Яков замечает: «Не удивительно, что уста, запечатлевшие столь благочестивые и столь прекрасные поцелуи на ногах Спасителя, и для других щедро источали благоухание слова Божьего!» [Jacobi a Voragine, 1890, S. 409]. В момент наивысшего напряжения автор скорбит вместе с Перегринном: «О горе! Ребенок родился живым и стал матереубийцей, но и ему суждено погибнуть, ибо не стало той, которая вскормила бы его! Что было делать Перегрину, когда он увидел мертвую жену и жалобно плачущего ребенка, который искал материнскую грудь?» [Jacobi a Voragine, 1890, S. 411]. Для этой части характерны также оценочные эпитеты, авторские сравнения и метафоры, отсутствующие в других частях «Жития». Спящим супругам разгневанная Магдалина предстает «с огненным взором, как если бы весь дом был объят пламенем» (*vultu igneo ac si tota domus arderet*) [Jacobi a Voragine, 1890, S. 410]. Супруга Перегринна, измученная жестокой качкой (*saeva inundatione fluctuum*), родила сына «в тисках родовых мук и невыносимых условиях» (*inter angustias ventris et pressuras temporis*) [Jacobi a Voragine, 1890, S. 411]. Подобного рода стилистические приемы важны как показатели авторского замысла, как доказательство того, что «Историю Перегринна» Яков подвергает литературной обработке.

В этой части «Жития» имя Марии Магдалины часто упоминается как в авторской речи, так и в речи героев. Однако в тексте нет никаких подтверждений тому, что Перегрину помогает именно Магдалина — раскаявшаяся грешница, сестра Марфы и Лазаря, спутница Христа. Если мы заменим ее имя именем другой святой, то смысл повествования не изменится ни на йоту. Если же убрать из текста немногочисленные христианские реалии и упоминания о Христе, то остается типичный для греческого любовного романа

сюжет о разлуке, приключениях и радостной встрече после пережитых испытаний супружеской пары.

Греческий любовный роман — поздний жанр художественной литературы, возникновение которого связывают с I в. до н. э., а его расцвет приурочивают к I–III вв. н. э. До нас дошло пять произведений этого жанра: «Повесть о Херее и Каллирое» Харитона, «Повесть о Габрокоме и Антии» Ксенофонта Эфесского, «Левкиппа и Клитопонт» Ахилла Татия, «Дафнис и Хлоя» Лонга, «Эфиопика» Гелиодора. Кроме того, сохранился латинский перевод романа «Повесть об Аполлонии Тирском» (греческий оригинал утрачен). Романы «Вавилоника» Ямвлиха и «Удивительные приключения по ту сторону Туле» Антония Диогена известны лишь по пересказу патриарха Фотия.

В первой части «Жития святой Марии Магдалины» и особенно в «Истории Перегринна» привлекает внимание множество античных мотивов и элементов, пришедших из греческого романа.

К их числу можно отнести сочетание *мотивов благородного происхождения, мотива богатства и мотива красоты святой*. Магдалина Якова Ворагинского знатна, богата и красива, как героиня сказки или греческого романа. Так, Каллироя Харитона, дочь знаменитого сиракузского стратега Гермократа, отличается неземной красотой. Необыкновенно красива Антия Ксенофонта Эфесского, дочь знатных эфесских граждан. Дочь византийского стратега Сострата Левкиппа из романа Ахилла Татия поражает всех своей красотой. Сказочно красива царевна Архистратида, жена Аполлония Тирского.

Прежде всего к числу античных мотивов, пришедших в «Житие» из греческого романа, следует отнести *мотив разлуки супружеской четы*. Чаще всего в романе разлучаются влюбленные, но разлука может выпасть и на долю супружеских пар. Разлучаются безумно влюбленные друг в друга супруги Херей и Каллироя [I, 31–35]. Довольно скоро после свадьбы разлучают молодоженов Габрокома и Антию [II, 9]. Во время морского путешествия Аполлоний теряет нежно любимую жену Архистратиду [25].

В рамках «Жития» не совсем понятно упорное стремление Перегринна приехать в Рим. Молитвами Магдалины матрона забеременела, что могло бы послужить достаточным основанием для

автора, чтобы привести героя к вере. Однако Перегрин отправляется в Рим. После смерти жены он оставляет новорожденного сына на пустынном острове, чтобы продолжить свой путь. Так и герои романа должны были непременно уехать из дома: бегут от родителей влюбленные Левкиппа и Клитофонт [II, 30–31]; вместе с женой отправляется в Антиохию Аполлоний, чтобы вступить на престол [24–25]. *Мотив гонения* традиционен для романа. Родители Антии и Габрокома получили предсказание Аполлона, что их дети должны претерпеть множество страданий вдали от дома, «и после всех испытаний удел им положен счастливый» [I, 6], [Ксенофонт Эфесский, 1956]. Поживив молодых людей, родители сами отправляют их в путешествие, желая, чтобы предначертанное произошло как можно скорее [I, 10]. Перегрин продолжает свой путь, как герой романа, гонимый Тихой, Эротом или Афродитой.

Ни один греческий роман не обходится без описания опасного морского путешествия. Терпит крушение корабль, на который была посажена Антия [II, 11], на третьи сутки плавания разразившаяся буря потопила корабль Левкиппы и Клитофонта [III, 1–4]. Счастливо спасается после кораблекрушения Дафнис [I, 30]. В состав сюжетных приемов «Истории Перегрини» *мотив* путешествия по морю и связанный с ним *мотив морской бури* приходит из романа.

Примечательно то, что в столь опасные морские путешествия в романе иногда отправляются *беременные героини*. Каллироя была беременна, когда разбойники вызволили ее из гробницы и увезли с собой на корабле: «Каллироя незадолго до приключившегося с нею обморока понесла» [II, 56], [Харитон, 1994]. Аполлоний узнает о смерти царя Антиоха и отплывает в Антиохию, взяв с собой беременную жену Архистратиду. Во время плавания она рождает дочь Тарсию и впадает в состояние, подобное смерти. Аполлоний оплакивает супругу, затем в закрытом гробу ее бросают в море [25–26]. (Отметим совпадение *сочетания нескольких мотивов* у Якова Ворогинского и анонимного автора «Повести об Аполлонии Тирском».)

Как и Архистратиды, жена Перегрини впадает в летаргический сон. *Мотив мнимой смерти* — это тоже типичный мотив греческого романа. После удара мужа впадает в летаргический сон Каллироя [I, 27]. Желая покончить с собой, чтобы избежать второго

брака, Антия просит у врача смертельный яд, который оказывается сильным снотворным. Приняв снадобье, она падает как мертвая. Антию считают умершей и хоронят в склепе [III, 5–7]. Как и Каллироя, Антия приходит в себя, когда в гробницу вторгаются разбойники, чтобы похитить драгоценности [III, 8]. Клитофонт становится очевидцем казни Левкиппы (оказавшейся впоследствии инсценировкой) и считает ее мертвой [III, 15].

Потеряв жену, Перегрин покидает сына, о чьем рождении был готов молить любых богов, на острове и продолжает свой путь. При этом он поручает долгожданного ребенка заботам Марии Магдалины и богу, в которого сам не верит! Обращаясь к Магдалине, он говорит: «...все, что у меня есть, я вверил тебе и богу *твоему* вверяю...».

Поступок Перегрин можно объяснить, если принять во внимание, что перед нами разворачивается сюжетная схема греческого романа. *Сюжет о покинутых и вновь найденных детях* традиционно связан как с романом, так и с комедией. В «Эфиопике» Гелиодора дочь эфиопского царя Хариклея была брошена матерью. Этому обстоятельству есть объяснение: царица Персинна боялась навлечь на себя ревность мужа, потому что девочка родилась белой среди чернокожих эфиопов [X, 327–329]. Зачастую в греческом романе родители покидают детей и без достаточно веских для того оснований. Отец Дафниса Дионисофан, «был <...> богат, как многие и благороден душой, как никто» [IV, 13], [Лонг, 1964], но после рождения четвертого ребенка (Дафниса) подумал, что ему «довольно уже детей», и бросил его [IV, 24].

Покидая ребенка, герои романа посвящают его заботам богов. Отец Хлои оставляет ребенка «в пещере нимф, богиням его поручив» [IV, 34]. Покидая сына, Перегрин прежде всего Марии Магдалине вверяет жизнь ребенка. По ее молитвам матрона забеременела и благодаря ей благополучно разрешилась от бремени. Придя в себя после летаргического сна, матрона прославляет Магдалину: «...преславна ты, которая в тяжелое время моих родов исполнила обязанности повитухи...» [Jacobi a Voragine, 1890, S. 412]. В образе Марии Магдалины проступают *черты Артемиды*: в «Истории Перегрин» христианская святая выполняет функции Артемиды Илифии, древней покровительницы родов.

В греческом романе среди богинь античного пантеона Артемида занимает особое место: именно она чаще всего помогает героям. При храме Дианы (Артемиды) остается жить Архистратида после того как врачи вернули ее к жизни [26–27]. Габроком и Антия знакомятся на празднике Артемиды, причем Антия предстает перед читателями как ее жрица [1, 2]. В храме Артемиды взывает к богине отец Левкиппы Сострат, думая, что его дочь умерла: «Для этого ли, о владычица, ты меня сюда привела? Неужели таков смысл моего сновидения? А я-то поверил твоему прорицанию и надеялся найти у тебя мою дочь! Прекрасный дар преподнесла ты мне! Ты послала мне убийцу моей дочери!» [VII, 14], [Ахилл Татий, 2001]. С подобной молитвой, наполненной жалобами и упреками, обращается Перегрин к Магдалине, когда оставляет на острове жену и ребенка: «О Мария Магдалина! Для исполнения всех моих страданий приплыла ты к берегам Массилии! Зачем я, несчастный, по твоему увещанию выбрал этот путь? Не ты ли вымолила у бога, чтобы жена моя забеременела? Вот она забеременела и умерла в родах, и ребенок родился, чтобы умереть, ибо не стало той, которая вскормила бы его! Вот что я получил по твоей молитве, а ведь я все препоручил тебе...» [Jacobi a Voragine, 1890, S. 411]. Отметим общие для обеих молитв мотивы: мнимая смерть ребенка, «напрасное» прибытие издалека, «обманутые» (то есть исполнившиеся впоследствии, надежды). Греческий роман изобилует молитвами героев, которые они произносят в минуты опасности, их *горестными сетованиями*, исполненными зачастую в *искусственной риторической манере*. Так Аполлоний обращается к Нептуну: «О Нептун, владыка моря, вероломно обманывающий невинных, не для того ли ты спас меня от гибели, чтобы жестокому Антиоху легче было преследовать сирого и нищего? Куда мне идти? Куда направиться? Кто окажет помощь незнакомому пришельцу?» [12], [История Аполлония, царя Тирского, 1961, с. 339]. При сравнении становится ясно, что все три молитвы носят риторический характер, построены по стандарту риторического стиля с использованием *обращения, восклицания, риторического вопроса и противопоставления*. А. Н. Егунов иронизирует над речами героев «Эфиопики», наполненными «несвежими ухищрениями старческой софистики. Их монологи — сплошные lamentации — сетования, жалобы на

свою судьбу (в этом романист уловил национально греческую черту, различимую и у Гомера и в трагедии: «жизнерадостные» греки любили сетовать), они мало говорят друг с другом о чем-нибудь ином» [Гелиодор, 1965, с. 22]. Архистратίδα уговаривает мужа взять ее в опасное плавание: «Отправимся оба: где бы ты ни был, на суше ли, на море ли, жизнь или смерть да будет нашим общим делом!» [24]. Отголоски подобных бесед слышны в словах жены Перегринна: «Неужели, господин, ты думаешь уехать без меня? Не бывать этому! Если ты откажешься, то и я откажусь; если ты поедешь, то и я поеду; если ты не будешь беспокоиться, то и я буду спокойна» [Jacobi a Voragine, 1890, S. 410].

В «Истории Перегринна» Мария Магдалина трижды является героям во сне, обращается к ним с просьбами и угрозами. Включение в повествование *мотива пророчеств, вещей снов* типично для греческого романа. Артемида явилась отцу Левкиппы во сне: «Такой сон означал, что Сострат найдет в Эфесе свою дочь» [VII, 12]. Накануне суда Каллирое снится Херей, и служанка истолковывает сон как вещей [V, 110] После вещего сна Аполлоний едет в Эфес, где счастливо воссоединяется с женой [48]. Во сне нимфы обещают Дафнису божественное покровительство [II, 23]. Пан, наведя среди дня глубокий сон на предводителя моряков Бриаксиса, грозит потопить корабль и отдать их «в пищу рыбам», если они не отпустят захваченную в плен Хлою [II, 26–27].

В «Истории Перегринна» роль *разбойников и пиратов*, без которых не обходится ни один греческий роман, выполняют жестокие моряки. Они собирались выбросить «на растерзание морским тварям» матрону, которая, быть может, не умерла, а только «впала от боли в беспамятство», как говорит Перегрин. (Между тем героини романов не делают подобных предположений, они всегда верят в то, что происходит на их глазах.) Как корыстолюбивые пираты, моряки только за деньги помогают Перегрину и высаживают его на острове.

Весьма распространенный в романе *мотив путешествия по дальним странам* (например, у Гелиодора и Ахилла Татия) представлен у Якова как странствие Перегринна с Петром по святым местам и «виртуальное» странствие матроны. Она пробуждается от летаргического сна со словами: «Воистину я жива и только что вернулась из странствия, из которого и ты прибыл. Как тебя бла-

женный Петр привел в Иерусалим и показал все места, где Христос страдал, умер и был погребен, так и я вместе с блаженной Марией Магдалиной, моей предводительницей и спутницей, была вместе с вами и запомнила увиденное» [Jacobi a Voragine, 1890, S. 412].

У Якова Ворагинского путь обретения веры героем показан через форму романа. Начало «Истории Перегрин», построенное в духе греческих романов, продолжение его истории, выдержанное по канонам этого жанра, обусловили и характерное для романа завершение: отправившись в плавание и разлучившись с супругой, Перегрин, как герой греческого романа, покидает ребенка, но по прошествии характерных испытаний счастливо воссоединяется с женой и сыном.

Поскольку Яков Ворагинский не мог читать романов на греческом языке, возникает вопрос, откуда он мог заимствовать их сюжет и композицию.

Автор «Золотой легенды» называет свои источники, часто прибегает к цитированию. Прежде всего это Евангелия (в том числе и апокрифические, например, Евангелие от Никодима), Послания апостола Павла, Деяния апостолов и книги Ветхого Завета (книга Псалмов, книга Исаяи). Яков ссылается на сочинения блаженного Августина, Григория Великого, блаженного Иеронима, Иоанна Хризостома, святого Амброзия. В числе цитируемых авторов Иосиф Флавий, святой Августин, святой Бернард, святой Афанасий. Вопрос об источниках Якова поднимался исследователями [Boureau, 1984, pp. 75–108]. «Золотая легенда» была не первым и не единственным сборником житий святых. В конце 20-х гг. XIII в. доминиканским монахом Жаном де Мейи был составлен сборник «*Abbreviatio in gestis et miraculis sanctorum*», послуживший источником как для Якова Ворагинского, так и для его современника, тоже доминиканца, Варфоломея Трентского, написавшего в середине 40-х гг. «*Epilogus in gesta sanctorum*». Яков черпал из обоих источников [Reames, 1985, p. 164 sqq.]. Однако вопрос о влиянии греческого романа на Якова Ворагинского не привлекал особого внимания исследователей.

Ко времени Якова был довольно популярен греческий раннехристианский роман «Климентины». Роман содержит биографические сведения о жизни Климента, епископа Римского, которому

приписывается авторство романа, а также рассказы о расставании, злоключениях и встрече супругов (или детей и родителей). Сохранились две версии романа: «*Nomiliae*» («Гомилии») на греческом языке и «*Recognitiones*» («Узнавания», или «Встречи») на латинском языке. Переводы «Климентин» на другие языки появились довольно рано: дошедший до нас латинский перевод «*Recognitiones*» был выполнен в V в. Руфином Аквилейским. Эта книга с посвящением епископу Гаудеамусу имела широкое хождение на Западе, что подтверждается почти сотней сохранившихся рукописей. В романе рассказывается, как мать Климента Маттидия бежит из дома, к чему привели домогательства со стороны брата ее мужа. Чтобы избежать позора, она придумывает вещий сон, согласно которому муж должен отправить ее с двумя сыновьями в Афины. Взяв с собой братьев-близнецов, она уезжает, а младший сын Климент остается дома. Апостол Петр становится его духовным наставником [*Recognitiones* VII, 8–9], [*Die Pseudoklementinen II. Recognitionen*, 1965]. Муж Маттидии уезжает на поиски детей и супруги. Во время кораблекрушения она теряет сыновей [VII, 12–21]. Апостол Петр, прибыв на отдаленный остров, встречает там женщину, и рассказ о ее злоключениях приводит его к выводу, что перед ним мать Климента. Следует встреча матери и сына, а затем счастливое воссоединение с потерянными во время кораблекрушения близнецами [VII, 30]. Петр крестит Маттидию погружением в море, свидетелем чему становится пожилой господин, который не верит, что подобные обряды помогут человеку избежать судьбы [VIII, 1–2]. По его словам, много лет назад, чтобы скрыть любовную связь, жена под предлогом предостережения свыше уехала с сыновьями-близнецами, и все они погибли при кораблекрушении [IX, 32–37]. Происходит сцена узнавания, и семья воссоединяется. Зависимость сюжета «Климентин» от греческого романа давно отмечена исследователями. Б. Перри усматривает в тексте «Климентин» следы небрежной адаптации какого-то утерянного романа, а также предполагает, что в основе сюжета лежит какая-либо несохранившаяся комедия ошибок и узнаваний, где одного близнеца принимали за другого [Perry, 1967, p. 289].

Очень популярен в странах Западной Европы был переводной роман анонимного автора «Повесть об Аполлонии Тирском». На

протяжении всего Средневековья и эпохи Возрождения латинская версия романа была одной из любимых книг для народного чтения. До нас дошло более 60 рукописных версий романа. «Повесть об Аполлонии Тирском» довольно рано была переведена на другие языки, а также вызвала большое количество подражаний, в том числе и стихотворных [Smyth, 1898, pp. 23–60]. В пользу версии о влиянии «Повести» на Якова Ворагинского приведем отмеченное совпадение сочетания мотивов в обоих текстах. Беременные героини романов отправляются в опасные морские путешествия, рожают детей и впадают в летаргический сон, но только в «Повести об Аполлонии Тирском» все эти события происходят на корабле (*сочетание мотива путешествия по морю и мотива мнимой смерти в результате случившихся на корабле родов*). Повторение сочетания указанных мотивов в «Золотой легенде» может послужить доводом в пользу того, что Яков заимствовал этот эпизод у анонимного автора «Повести».

Яков заканчивает «Историю Перегринна» счастливой развязкой и возвращается к Марии Магдалине, чтобы рассказать о ее аскезе и отшельничестве в пустыне. Третья часть «Жития» («Отшельничество Марии Магдалины») по объему почти в два раза меньше «Истории Перегринна». Эти части «Жития» связаны между собой только именем святой. В «Отшельничестве Марии Магдалины» отсутствуют даже намеки на события «Истории Перегринна», равным образом как и выделенные античные мотивы, на которых она была построена. Подобное обстоятельство связано с тем, что источниками для третьей части «Жития» послужили тексты иного жанра. В качестве источников «Отшельничества Марии Магдалины» Яков заявляет «какой-то трактат» Иосифа Флавия и «книги самого блаженного Максимиана». Неизвестно, о каких произведениях идет речь, но подобный метод адаптации агиографических сюжетов хорошо известен. Он широко применялся как в византийской, так и в латинской и в русской агиографии. С. С. Аверинцев считает, что некоторые мотивы приходят в западные предания об аскезе Марии Магдалины из жития Марии Египетской [Аверинцев, 1998, с. 348]. После «Отшельничества Марии Магдалины» следует заключительная часть «Жития», которая сюжетно не связана с предыдущими частями. Она представляет собой восемь вполне закончен-

ных рассказов. В соответствии с житийным каноном Яков заключает «Житие святой Марии Магдалины» рассказами об обретении мощей святой и о творимых ею посмертных чудесах. Среди них привлекает внимание рассказ о беременной женщине, корабль которой потерпел крушение. Женщина дает обет Марии Магдалине, что «если ее заслугами спасется и родит сына, то отдаст его в монастырь» [Jacobi a Voragine, 1890, S. 417]. Святая выводит женщину невредимой на берег, а та честно исполняет обет. Очевидно, что перед нами вариант *сочетания мотивов*, использовавшийся Яковом в «Истории Перегринна».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С. С.* Мария Магдалина // Мифология. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 348.
2. *Ахилл Татий.* Левкиппа и Клитифонт / пер. и примеч. В. Чемберджи // Античный роман. М.: Художественная литература, 2001. С. 5–166.
3. *Гелиодор.* Эфиопика / ред. перевода, вступ. статья и комм. А. Егунова. М.: Художественная литература, 1965. 373 с.
4. История Аполлония, царя Тирского / пер. И. Феленковской // Поздняя греческая проза / под ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 339–373.
5. *Ксенофонт Эфесский.* Повесть о Габрокоме и Антии / пер. С. Поляковой и И. Феленковской. М., 1956.
6. *Лонг.* Дафнис и Хлоя / пер. С. Кондратьева. М.: Художественная литература, 1964. 180 с.
7. *Лопарев Х. М.* Греческие жития святых VIII и IX в. Петроград, 1914. 568 с.
8. *Харитон.* Повесть о Херее и Каллирое / пер., предисл. и комм. С. В. Поляковой. М.: ИНАПРЕСС, 1994. 192 с.
9. *Boureaux A.* La légende dorée: La système narratif de Jacque de Voragine. Paris: Cerf, 1984. 288 p.
10. Die Pseudoklementinen II. Recognitionen, ed. B. Rehm und F. Paschke. Die griechischen christlichen Schriftsteller 51. Berlin: Akademie Verlag, 1965. CXI, 387 p.
11. *Jacobi a Voragine.* Legenda aurea, recensuit dr. Th. Graesse. Ed. 3. Vratislaviae, 1890. Caput XCVI: De sancta Maria Magdalena. 280 s.

12. *Perry B. E.* The Ancient Romances: A Literary-Historical Account of their Origins. Berkley, Los Angeles: University of California Press, 1967. XII, 407 p.
13. *Reames Sherry L.* The Legenda aurea: A Reexamination of its Paradoxical History. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. VIII, 321 p.
14. *Smyth A.* Shakespeare's Pericles and Apollonius of Tyre. Philadelphia: MacCalla & Co., 1898. 112 p.

REFERENCES

1. Averintsev S.S. *Mariia Magdalena* [Maria Magdalena]. Mifologija [Mythology]. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 1998. S. 348.
2. Akhill Tatii. *Levkippa i Klitofont* [The Adventures of Leucippe and Clitophon], per. i primech. V. Chemberdzhi. Antichnyi roman [transl. and annotated by V. Chemberdzhi. The Ancient Novel]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 2001. S. 5–166.
3. Geliodor. *Efiopika* [Aethiopica], red. perevoda, vstup. stat'ia i komm. A. Egunova [translation ed., introductory chapter and commentary by A. Egunov]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965. 373 s.
4. *Istoriia Apolloniia, tsaria Tirskogo* [The Story of Apollonius, King of Tyre], per. I. Felenkovskoi. Pozdniaia grecheskaia proza, pod red. M. E. Grabar'-Passek [transl. by I. Felenkovskaya, Late Greek Prose, ed. by M.E. Grabar-Passek]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1961. S. 339–373.
5. Ksenofont Efesskii. *Povest' o Gabrokome i Antii*, per. S. Poliakovoi i I. Felenkovskoi [The Tale of Anthia and Habrocomes, transl. by S. Polyakova and I. Felenkovskaya]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1956. 81 s.
6. Long. *Dafnis i Khloia* [Daphnis and Chloe], per. S. Kondrat'eva [transl. by S. Kondratiev]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1964. 180 s.
7. Loparev Kh.M. *Grecheskie zhitiia sviatykh VIII i IX v.* [Greek Hagiography of the 8th and the 9th Centuries]. Petrograd, 1914. 568 s.
8. Khariton. *Povest' o Kheree i Kalliroe* [The Tale of Chaereas and Callirhoe], per., predisl. i komm. S.V. Poliakovoi [transl., foreword and commentary by S.V. Polyakova]. Moscow, INAPRESS Publ., 1994. 192 s.
9. Boureau A. *La legende doree: La systeme narratif de Jacque de Voragine*. Paris, Cerf, 1984. 288 p.
10. *Die Pseudoklementinen II*. Recognitionen, ed. B. Rehm und F. Paschke. Die griechischen christlichen Schriftsteller 51. Berlin, Akademie Verlag, 1965. CXI, 387 p.
11. Jacobi a Voragine. *Legenda aurea*, recensuit dr. Th. Graesse. Ed. 3. Vratislaviae, 1890. Caput XCVI: De sancta Maria Magdalena. 280 s.

12. Perry B.E. *The Ancient Romances: A Literary-Historical Account of their Origins*. Berkley, Los Angeles, University of California Press, 1967. XII, 407 p.
 13. Reames Sherry L. *The Legenda aurea: A Reexamination of its Paradoxical History*. Madison, University of Wisconsin Press, 1985. VIII, 321 p.
 14. Smyth A. *Shakespeare's Pericles and Apollonius of Tyre*. Philadelphia, MacCalla & Co., 1898. 112 p.
-

Нарусевич Ирина Владимировна

Старший преподаватель кафедры классической филологии
Санкт-Петербургского государственного университета.

Irina Narusevich

Senior Lecturer, Department of Classical Philology
at St. Petersburg State University.

E-mail: irinanarus@mail.ru